

Федеральное агентство научных организаций

Карельский научный центр
Российской академии наук

**Роль науки в решении проблем
региона и страны:
фундаментальные и прикладные исследования**

*Материалы Всероссийской научной конференции
с международным участием
посвященной 70-летию КарНЦ РАН
(24–27 мая 2016 года)*

Петрозаводск
2016

ВЕПСЫ ПРИОНЕЖЬЯ: ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ³⁵

З. И. Строгальщикова

Институт, языка, литературы и истории КарНЦ РАН, г. Петрозаводск.

Тел.: (8-8142)78-18-86; e-mail:strogalshchikova.zinaida@yandex.ru

Первые сведения о вепсах Прионежья приводит Н. Я. Озерецковский по итогам летней экспедиции 1785 г. Он сообщает, что большая часть прионежских селений располагается в отдалении от берега; поскольку *«весь берег Онежского озера, к Петрозаводску идущий на довольно дальнее от воды расстояние неспособно к хлебопашеству по причине многого песка, частым вереском и сосняком поросшего»* [7]. Недостаток земель, пригодных для ведения земледелия в Прионежье стал причиной позднего заселения его вепсами из Присвирья, первоначально использовавших его как промысловую территорию. Названия расположенных здесь сел: Щелейки, Гимрека, Рыбрека, Шелтозеро, Шокша и др., впервые упоминаются в писцовых книгах 1496 и 1563 гг. В 1496 г. здесь имелось всего 30 дворов, к 1563 г. их число возросло, появились и новые деревни [9]. Среди прионежских вепсов наряду с общим сохраняется и их прежнее самоназвание – *lüdinik, lüdikel*, близкое к самоназванию карелов–людиков. Языковеды выделяют особенности прионежского (или северного) диалекта вепского языка. Возможно, это проявление, как и в сфере календарной обрядности и мифологии прионежских вепсов, влияния карельских беженцев, оседавших на вепской территории при переселениях их с мест своего традиционного обитания из-за неоднократных переделов границ между Швецией и Россией [3].

Как отмечал Н. Я. Озерецковский, в жизни местного населения важную роль играла рыбная ловля на богатом рыбными запасами Онежском озере. Местное население являлось приписными крестьянами Олонецкого горного округа, отрабатывая повинность в пользу казенных горных предприятий. По данным на 1765 г. из Шокшинской и Шелтозерской волостей к нему было приписано 1050 чел. крестьян мужского пола [1]. На о. Брусно, где побывал Я. Н. Озерецковский, добывали бледно-зеленый и красноватого цвета песчаник, которым обкладывались железоплавильные печи и домны на Петровских заводах. Но известность вепскому краю принесли месторождения Шокшинского малинового кварцита, отличающегося прочностью и высокими декоративными качествами. Их начали разрабатывать при Петре I. Брусненский и шокшинский камень местными крестьянами

³⁵ Работа выполнена по программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Евразийское наследие: новые смыслы», проект «Вепсы и карелы в Евразийском полиэтничном пространстве: общность и различие исторических судеб и культурных ценностей».

доставлялись на Олонецкие горные заводы и в Санкт-Петербург, где их использовали при строительстве различных сооружений и архитектурных памятников [1].

Навыки по работе с камнем, приобретенные на Брусненских и Шокшинских ломках, способствовали распространению среди прионежских вепсов отхожего камнетесного промысла, который давал весьма высокие заработки. Основным местом работы для вепских камнетесов являлся Петербург. Выходцем из приписных крестьян Шокшинской волости был М. П. Пименов, основатель известной вепсской купеческой династии. При строительстве оборонительных сооружений Кронштадта, подрядчиком которых являлся М. П. Пименов, на стройках одновременно должны были работать не менее 400 «каменотесцев» [5].

По данным Первой всеобщей переписи 1897 г. вепсы Прионежья составляли около четверти всего вепского населения – 7,3 тыс. чел. из 26,5 тыс., все их поселения входили в Шелтозерско-Бережную волость Петрозаводского уезда Олонецкой губернии. Длительная работа на стройках Петербурга отразилась на их образе жизни, который полностью не соответствовал сформированному в этнографической литературе мнению о вепсах, как народа доживающего *«бок о бок со столицей»* свои последние дни [4]. Такой взгляд сложился по итогам исследования вепсов, проживающих за пределами Прионежья, где их уровень жизни – особенно в Новгородской губернии был значительно ниже и дольше сохранялся более архаичный уклад жизни. О различиях между вепсами разных регионов говорили и данные об их грамотности. В 1897 г. у мужчин Шелтозерско-Бережной волости доля грамотных составляла 35,5%, тогда как среди мужского вепского населения Олонецкой губернии – 19%, а Новгородской – 14,5%. Доля грамотных у вепских мужчин Прионежья была даже несколько выше, чем у мужского русского населения края [10].

Последующие кардинальные сдвиги в общественной жизни страны в 1920 – 1930-е гг. связанные с государственно-национальным строительством, привели к еще большим различиям в этническом развитии разных групп вепсов. При образовании в 1920 г. Карельской Трудовой Коммуны (далее КТК) население близлежащих Ладвинской и Шелтозерско-Бережной волостей выступили с просьбой о включении их в её состав, что поддерживало и руководство КТК [2]. Решение было принято 3 ноября 1924 г., *«по соображениям экономического тяготения к Петрозаводску, как ближайшему центру иродственного племенного состава населения (прионежские вепсы)»*, уже после преобразования 28 июля 1923 г. КТК в Карельскую АССР [6]. По переписи 1920 г. вепское население Шелтозерско-Бережной волости составляло 10120 человек [8]. В Карелию волость вошла не полностью: примыкающие к р. Свирь д. Гимрека, Шелейки, Шустручей и др. остались в составе

Ленинградской области. В 1927 г. в Карелии на части Шелтозерско-Бережной волости, отошедшей к Карелии, был создан национальный Шелтозерский район. В нем проживало 8926 человек, из них – 8343 вепсов (93,5%). Вепсов в Карелии наряду с финнами и карелами стали относить к национальному населению республики, что придавало им в республике определенный социальный статус. Вместе с тем, политика «финнизации», которую проводило в Карелии правительство Эдварда Гюллинга, особенно в школьном образовании, оказалась неуспешной по отношению к южным карелам и вепсам, языки которых существенно отличались от финского. Она противоречила и общему курсу национальной политики в стране, где важнейшей задачей в то время являлось развитие местных (родных) языков и их использование во всех сферах культурной и общественной жизни. В 1931 г. началось обучение карельских детей на родном языке в Тверской области, в 1932 г. – вепсов в Ленинградской области. Противодействие развитию карельского и вепского языков называлось одной из причин отстранения в 1935 г. от власти руководства Карелии. В республике приступили к работе по развитию письменных карельского и вепского языков с учетом опыта Тверской и Ленинградской областей. Но в конце 1930-х годов она была резко прекращена, в том числе и за пределами Карелии. Тем самым на полвека было приостановлено развитие письменной традиции на карельском и вепском языках, лишившее карелов и вепсов возможности развития профессиональной культуры на родных языках. Отсутствие письменности ускорило языковую, а вслед за ней и этническую ассимиляцию, ставшую одним из важнейших факторов снижения численности карелов и вепсов. Вместе с тем, несмотря на неоднократные изменения статуса Карелии, вепсы оставались частью национального населения республики. Их этнокультурное развитие, хотя и в фольклорных формах, поддерживалось властью, в отличие от Ленинградской и Вологодской областей, где вепсы до демократизации были исключены из общественной и культурной жизни регионов. Это отразилось и в статистике: с 1926 по 2010 г. численность вепсов в Карелии снизилась с 8,4 до 3,4 тыс. чел., т. е. в 2,5 раза, за пределами Карелии – с 24,4 до 1,7 тыс. или в 14 раз. Деятельность общественности по получению общего правового статуса для вепсов, обязывающего органы власти оказывать содействие этнокультурному развитию вепсов, началась только в конце 1980-х гг. В 2006 г. вепсы получили статус коренного малочисленного народа Севера, Сибири и Дальнего Востока России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балагуров Я. А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII – XIX вв. Петрозаводск. 1962. С. 26.
2. Бутвило А. И. Карельская Трудовая Коммуна. Петрозаводск, С. 61-62.

3. *Винокурова И. Ю.* Этнокультурная история вепсов Прионежья по данным мифологии и обрядности // Истоки Карелии: время, территория, народы. Петрозаводск. 2015. С. 179 – 199.
4. *Колмогоров А. И.* Поездка по Чухарии // Землеведение. № 3,4. С. 114.
5. *Кораблев Н. А. Мошина Т. А.* Пименовы: династия предпринимателей, благотворителей, общественных деятелей. Петрозаводск. 2013. С. 5 – 9.
6. НА РК. Фонд 689. Оп. 1. Д. 7 /68. Л. 20.
7. *Озерецковский Н. Я.* Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск. 1989. С. 114.
8. Перепись 1920. Итоги сельскохозяйственной переписи. Б. М. 1921. С. 4.
9. *Пименов В. В.* Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М. – Л. 1965. 184-185.
10. *Пименов В. В. Строгальщикова З. И.* Вепсы: расселение, история, проблемы этнического развития // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск. 1989. С. 17.